

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Владимир ЕМЕЛЬЯНОВ
(Санкт-Петербург)

Бунин — переводчик «Гильгамеша»

В рецензии на гумилевский перевод аккадского эпоса о Гильгамеше Н.О. Лернер отмечал, что до гумилевского варианта «у нас были только наивные стихотворные переложения «А.К.» (А.А.Кондратьева)» (Лернер, 1919, 3). Кондратьевские «Фрагменты из ассиро-вавилонского эпоса» вышли в свет в 1905 году. Но Лернер не знал, что в это же самое время появился еще один перевод из «Гильгамеша» — на сей раз, не переложение, а контаминация двух одновременных версий мифа о потопе. Автором перевода был И.А.Бунин. Оригинал перевода не был распознан в русской текстологии до сих пор.

В 1906 году в собрании стихотворений 1903–1906 гг. появилось весьма странное стихотворение под названием «Потоп. Халдейские мифы». Мы воспроизводим его в оригинальной орфографии по собранию сочинений 1915 года.

ПОТОПЪ

Халдейскіе миѡы

Когда ковчегъ былъ конченъ и наполненъ,
И я, царь Касисадра, Ксисутрость,
Зарылъ въ Сиппарѣ хартіи закона,
Раздался съ неба голось: «На закатъ
На землю хлынетъ ливень. Затвори
Въ ковчегѣ дверь». И вотъ настало время
Войти въ ковчегъ. Со страхомъ ждалъ я ночи
И въ страхѣ затворилъ я дверь ковчега,
И въ страхѣ поручилъ свою судьбу
Бусуркургалу, кормчему. А утромъ
Поднялся вихрь — и тучи охватили
Изъ края въ край всю землю. Роману
Гремѣль среди небесъ. Нэбд и Сарру
Согласно надвигались по долинамъ
И по горамъ. Нергаль далъ волю вѣтру.
Нинигъ наполнилъ рѣки, и несли
Смерть и погибель Геніи. До неба

Достигли воды. Свѣтъ потухъ во мракѣ,
И братъ не видѣлъ брата. Сами боги
Къ вершинамъ Анну въ страхѣ поднялись
И на престолахъ плакали, и съ ними
Истара горько плакала. Шестъ дней
И семь ночей свирѣпствовали въ мѣрѣ
Вихрь, ураганъ и вѣтеръ — наконецъ,
Съ разсвѣтомъ дня, смирились. Воды пали
И ливень стихъ. Я плакалъ о погибшихъ,
Носясь по волѣ волнъ — и предо мною,
Какъ бревна, трупы плавали. Я плакалъ,
Открывъ окно и увидавши солнце.

<1906>

(Бунин, 1915, 3, 48–49).

О датировке этого фрагмента можно судить по воспоминаниям Веры Муромцевой-Буниной, которая пишет следующее:

«В конце июня Иван Алексеевич получил письмо из Огневки, что заболела мать. Он мгновенно собрался и уехал <...> Это полугодие дало хороший урожай: более тридцати стихов помечены 1905 годом. Среди них «Сапсан» и «Русская весна» (написаны до известия о смерти сына). Затем наступило молчание, и только весной он снова стал писать стихи. Среди них «Новая весна», «Ольха», «Олень», «Эльбурс» (иранский миф), «Послушник» (грузинская песнь), «Хая-Баш» (мертвая голова), «Тэмджид» (с эпиграфом из Корана), «Тайна» (с эпиграфом из Корана), «Потоп» (халдейский миф), «С остройгой», «Мистику», «Стамбул». Видно, что он пристально читал Библию и изучал Коран, вспоминал прошлогоднее путешествие по Кавказу и, конечно, пребывание в Константинополе «незабвенной весной 1903 года» (Муромцева-Бунина, 1989, 242–243).

Таким образом, со слов жены Бунина становится понятно, что сочинение «Потоп. Халдейские мифы» написано весной 1906 года в числе других стихотворений восточного ряда, связанных с посещением Турции (апрель 1903 г.) и Кавказа (июнь 1904 г.). Несмотря на такую исчерпывающую информацию, дата написания текста таит второй смысловой план, о котором речь в самом конце нашей заметки.

Издатели и комментаторы бунинского наследия не потрудились обратиться к ассириологам за разъяснениями по поводу источника этих стихов, вероятно, посчитав их вольным переложением сразу нескольких историй. Единственную попытку толкования данного сочи-

нения можно увидеть в диссертации И.А.Таировой «Восточные традиции в творческом восприятии И.А. Бунина», защищенной в прошлом году в Институте мировой литературы. В диссертации есть параграф под названием «Герои шумеро-аккадских мифов в стихотворениях И.А.Бунина «Потоп» (1905) и «Истара» (1906–1907)». Судя по тексту автореферата, автор диссертации использовала при работе с фрагментом «Потоп. Халдейские мифы» статью В.К.Афанасьевой «Зиусудра», опубликованную в энциклопедии «Мифы народов мира» (Афанасьева, 1992, 468). В этой статье содержится краткий пересказ мифа о потопе в греческом изложении вавилонянина Беросса (III в. до н.э.). Это позволило И.А.Таировой правильно определить источник первых строк сочинения. Но, к сожалению, дальше просмотра энциклопедической статьи автор не пошла. Она некритично использовала содержание статьи, решив, что в конце переложения Буниным сюжета праведник попадет на остров блаженных Тильмун. Не озаботилась она и поиском правильных современных чтений шумеро-вавилонских теонимов. В результате такого равнодушия к материалу все боги оказались определены неверно, а в отношении имени героя была допущена вопиюще нелепая смысловая ошибка: «царь Касисадра», т.е. в современном чтении Атрахасис, был понят как царь города под названием Касисадр. Напротив, город Сиппар автор диссертации назвала Сиппарой (Таирова, 2010, 16–17). Печально, что единственная попытка разобраться в сюжете текста так ничем и не окончилась.

Определить источник бунинского текста не составило особого труда. Существует текстологическая подсказка — имя кормчего, которое только в одной-единственной публикации читалось как Бузуркургал. Эта публикация — статья П.Хаупта «The Cuneiform Account of the Deluge», в которой опубликован и перевод греческого текста Беросса, и рассказ о потопе из XI таблицы ассирийского эпоса о Гильгамеше (Haupf, 1883, 77–85). Именно от этой публикации ведут свое родословие все многочисленные английские, немецкие и французские переводы и переложения месопотамского мифа о потопе. Во всех остальных переводах эпоса, сделанных до статьи Хаупта, стоят другие варианты чтения знаков в имени кормчего (например, *Vuzursadirabi* в первой публикации текста, см. Smith, 1873, 213–234). Итак, процитируем давно забытый текст, который в начале прошлого столетия через неизвестных пока посредников стал источником вдохновения для Бунина: Рассказ Беросса

«Kronos made known in a dream to the tenth king of Babylon, Xisuthros, or Sisithros, that, on the fifteenth of the month Daesios, there

would occur great rains, and all mankind would be destroyed by a great flood. He commanded him to bury in Sippara, the city of the sun, all the records of antiquity engraven on stone, to build a ship in which he should embark with his family and his nearest friends, to provide for himself food and drink, and to take with him in the ship the birds and the four-footed beasts. Xisuthros obeyed; built the ship, 9000 feet long and 2000 feet wide; gathered every thing together as he had been commanded; and embarked in the ship with his wife, and his child, and his nearest friends. When the flood had poured in, and then immediately ceased, Xisuthros sent out some birds to see if they could discover land anywhere, which had already emerged from the water. But, as they found neither food nor resting-place, they came back to the ship. After some days, Xisuthros sent them out a second time, and they returned with mud upon their feet. But, when he sent them out for the third time, they did not return again. Then Xisuthros knew that the earth had become dry again. He made an opening in the ship, and saw that it was stationary upon a mountain. Then he disembarked with his wife, his daughter, and his helmsman; erected an altar; offered a sacrifice; and disappeared, together with the others who had disembarked with him. When the others, who had remained in the ship, sought for him, and called him by name, they heard a voice from the skies, telling them that they should lead a godly life; that he, on account of his piety, had been taken away to the gods, and that his wife, his daughter, and his helmsman had been made sharers in this honor. The land where they were, they were told, was Armenia; and they were bidden to return from here to Babylon, and to dig up the writings buried at Sippara» (Haupt, 1883, 77).

Эпос о Гильгамеше XI, 88–107, 132–137.

«At evening will the heavens rain destruction. Embark in the ship, and shut thy door. The appointed time is come,' said the voice, ' at evening will the heavens rain destruction,' With anxiety, I awaited the going down of the sun on this day, the day on which I was to commence my voyage. I was afraid, but I embarked in the ship, and closed my door, to shut up the ship. To Buzurkurgal the helmsman, I entrusted the mighty structure and its load. Then arose Mi-seri-ina-namari from the base of the heavens, a dark mass of clouds, in the midst of which the storm god Rimmon made his thunder crash, while Nebo and Serru rush upon one another. The throne-bearers stride over mountain and valley; the mighty god of plagues sets free the whirlwinds; the god Adar causes the canals continually to overflow; the gods of the great (subterranean) water bring up mighty floods, and make the earth shake with their might; the storm god's sea of waves mounts up to heaven; all light was changed to darkness <...> But

I looked over the sea, loudly lamenting that the dwellings of men had been changed into mud. Like the trunks of trees, floated the corpses about. An air-hole had I opened; and, as the light of day fell upon my countenance, I recoiled, and sat down weeping; my tears ran over my face» (Haupt, 1883, 82–83).

Для того, чтобы благополучно провести отождествление ассирийского фрагмента уже на русском языке, достаточно воспользоваться переводом И.М.Дьяконова:

Время назначил мне Шамаш: «Утром хлынет ливень, а ночью Хлебный дождь ты узришь воочью,— Войди на корабль, засмоли его двери». Настало назначенное время: Утром хлынул ливень, а ночью Хлебный дождь я увидел воочью. Я взглянул на лицо погоды — Страшно глядеть на погоду было. Я вошел на корабль, засмолил его двери — За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри Чертог я отдал и его богатства.

Едва занялось сияние утра, С основанья небес встала черная туча. Адду гремит в ее середине, Шуллат и Ханиш идут перед нею, Идут, гонцы, горой и равниной. Эрагаль вырывает жерди плотины, Идет Нинурта, гать прорывает, Зажгли маяки Ануннаки, Их сияньем они тревожат землю. Из-за Адду цепенеет небо, Что было светлым,— во тьму обратилось, Вся земля раскололась, как чаша. Первый день бушует Южный ветер, Быстро налетел, затопляя горы, Словно войною, настигая землю. Не видит один другого; И с небес не видать людей.

Боги потопа устрашились, Поднялись, удалились на небо Ану, Прижались, как псы, растянулись снаружи. Иштар кричит, как в муках родов, Госпожа богов, чей прекрасен голос: «Пусть бы тот день обратился в глину, Раз в совете богов я решила злое, Как в совете богов я решила злое, На гибель людей моих войну объявила? Для того ли рожая я сама человеков, Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!» Ануннакийские боги с нею плачут, Боги смирились, пребывают в плаче, Теснятся друг к другу, пересохли их губы. Ходит ветер шесть дней, семь ночей, Потопом буря покрывает землю. При наступлении дня седьмого Буря с потопом войну прекратили, Те, что сражались подобно войску. Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.

Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне, Я взглянул на море — тишь настала, И все человечество стало глиной! Плоской, как крыша, сделалась равнина. Я пал на колени, сел и плачу, По лицу моему побежали слезы.

(Дьяконов, 2000, 198–200).

Дьяконов делает одну-единственную ошибку: неверно читает имя Пузур-Эллиль как Пузур-Амурри. Это тем более странно, что сочетание знаков Puzur-^dKUR.GAL «Тайна Великой Горы» и нельзя понять никак иначе, поскольку Кургаль «великая гора» — постоянный эпитет бога Энлиля (Parpola, 1997, 146). Все остальные имена богов прочтены верно. Адад (Адду, старое чтение Рамман) — бог дождя и ветра. Нинурта (старое чтение Ниниб) — бог земледелия и войны. Шуллак и Ханиш (старое чтение Небо и Сару) — божества молнии и грома. Эррагаль — эпитет бога чумы и смерти Нергала. Ануннаков — богов-судей Подземного мира — Бунин сравнил с античными гениями. Вместо Анну правильно читать и произносить Ану — имя бога Неба.

Мы видим, что Бунин очень точно для своего времени перевел фрагмент ассирийского эпоса о Гильгамеше. При этом он не знал оригинала, а пользовался переводом с аккадского языка на один из европейских языков, восходящим к английскому переводу Хаупта. Но возникает вопрос: зачем ему понадобилась контаминация двух разных версий мифа? Ответ, как нам сегодня представляется, лежит в русле собственного бунинского мироощущения.

Обратим внимание на то, что перевод древнего текста не содержит элементов высокого штиля и церковнославянизмов. Его стиль можно определить как средний, литературный, не содержащий архаизмов и пафосных выражений (разве что «воды пали»). Анахронизм встречается в тексте лишь единожды — когда переводчик на римский манер называет Ануннаков гениями. Зато хорошо видны повторы, усиливающие основное переживание: в начале текста 3 раза повторяется существительное «страх», а в конце текста 3 раза повторяется глагол «плакать». Делается это для того, чтобы читатель ощутил не повествование, а растянутую эмоцию, в начале которой ужас ожидания катастрофы, а в конце — плач по ее жертвам. Переводчик не называет халдейские мифы, которые объединены в его тексте. В данном случае он не считает необходимым посвящать читателя в конкретную восточную историю. Разумеется, Бунин знал, что взятый им ассирийский (в его выражении — халдейский) отрывок относится к эпосу об Издубаре (так тогда читали имя Гильгамеш). Знал он и о халдее греческого времени Бероссе, который был творцом собственного варианта легенды о потопе. Вполне возможно, что отрывок и был назван им халдейским из-за национальности Беросса. Но при этом сюжет эпоса, личность Издубара и тому подобные историко-филологические детали не были для него важны. Не Издубара и не Касисадру выводил он героем своего перевода. Истинными героями текста были потоп и противостоящая ему хартия закона. Поэтому отсекается плач мате-

ри Иштар по погубленному ею народу — сюжет, явно не входящий в основную тему переводчика. Поэтому не включаются в текст и такие яркие образы, как возвращение всех утонувших людей в глину — то есть, в свое первоначальное состояние.

Халдей Беросс был необходим Бунину своей концепцией, а именно — мотивом сохранения священных слов от потопа и последующего послепотопного восстановления Слова в мире. Ксисутрос, он же Касисадра (правильно Зиусудра и Атрахасис), зарывает в городе Солнца всю мудрость прошедших веков, а после своего спасения мир начинает воссоздаваться именно благодаря этой мудрости (о шумерских корнях этого мотива см. Емельянов, 2005, 74–85). Слово для Бунина означает также Закон, что роднит такое толкование с гераклитовским Логосом. Слово-Закон записано на хартиях, следовательно, его можно сберечь. Чтобы понять, насколько дорог был для Бунина такой сюжет, достаточно вспомнить его стихотворение 1915 года «Слово»:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Вряд ли может возникнуть сомнение в бероссовском источнике этого поэтического высказывания (вторым источником была глава «Письмена» из «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло). Поэт думает о сохранении священного Слова-Логоса «в дни злобы и страданья», что для Бунина равнозначно потопу¹. Таким образом объясняется первая часть бунинского сочинения. Что же касается второго — то есть, перевода ассирийского фрагмента — на сей счет есть исчерпывающее авторское объяснение, данное уже в самом конце жизни в «Воспоминаниях»:

«Слишком поздно родился я. Родись я раньше, не таковы были бы мои писательскія воспоминанія. Не пришлось бы мне пережить

¹ Несомненно, что трагедийность поэтического мироощущения Бунина усиливалась в то время и личной катастрофой — смертью сына, последовавшей именно в 1905 году.

и то, что так нераздельно с ними: 1905 год, потом первую мировую войну, вслед за нею 17-ый год и его продолжение, Ленина, Сталина, Гитлера... Как не позавидовать нашему праотцу *Нюю*! Всего *один* потоп выпал на долю ему. И какой прочный, уютный, теплый ковчег был у него и какое богатое продовольствие: *целых* семь пар чистых и *две* пары нечистых, а всетаки очень съедобных тварей. И *вестник* *мира*, благоденствия, голубь с оливковой ветвью в клюве, не обманул его, — не то что *нынешние* голуби («товарища» Пикассо). И отлично сошла его высадка на Арарате, и прекрасно закусил он и выпил и заснул сном праведника, пригретый ясным солнцем, на первозданно чистом воздухе *новой* вселенской весны, в *мире*, лишенном всей допотопной скверны, — не то что наш *мир*, возвратившийся к допотопному! Вышла, правда, у Ноя нехорошая история с сыном Хамом. Да *ведь* на то и был он Хам. А главное: *ведь* на весь *мир* был тогда лишь один, лишь единственный Хам. А теперь?» (Бунин, 1950, по электронной версии).

Из этих мемуаров становится ясно, что Бунин и есть «царь Касисадра, Ксисутрос», только переживший не один, а множество катаклизмов своего века. Теперь понятен исторический контекст бунинского перевода. И.А.Бунин воспринимал события 1905 года как потоп. И если молодой Бунин надеялся справиться с потопом революции при помощи слова, которое до времени зарыто в городе Солнца, то пожилой Бунин уже на слово не надеялся, поскольку был убежден в возвращении людей к допотопному состоянию, а 1905 год воспринимал как всего лишь первый потоп из числа отпущенных ему жизнью. Если все это понять, то станет ясно, что «Потоп. Халдейские мифы» — текст, отстоящий весьма далеко и от бунинского ориентализма, и от мемуарных стихов, созданных в связи с поездками по Востоку². Своей аппликацией на тему потопа поэт отзывается на события первой русской революции, находясь по другую сторону от Брюсова, который годом ранее, в 1905-м, пишет «Довольным», при-

² К.ф.н. Т.М. Двинятина, прочитавшая текст и одобрявшая его, тем не менее, пишет: «Бунин ощущал себя до некоторой степени Ноем, и «Потоп» — одна из первых точек этого авторского мифа. В дневниках «Устами Буниных» можно найти несколько фрагментов, которые по содержанию и интонации превосходят «Окаянные дни». Но и включенность «Потопа» в другие переложения мифов — довольно явная. «Эльбурс», «Атлант» — это все тоже 1905 год, а связь их с современностью, если и есть, то вторична. Как бы понять, почему Бунин в принципе нападает на эти мифы и что является для него толчком?» (письмо от 08.09.2011).

зывая на Россию бунт в виде грозного царя Ассаргадона (Емельянов, 2011, 53–54). Но интересно, что и кондратьевские переложения эпоса тоже датированы 1905-м годом. Поэты самых разных школ и направлений осмыслили события своей истории в месопотамском культурном коде. Эту примечательную особенность, в равной мере эстетическую и идеологическую, нам остается только констатировать. Подвергать ее сомнению нет никаких резонов.

Библиография

- Афанасьева, 1992 — Афанасьева В.К. Зиусудра // Мифы народов мира. Т. 2. М; 1992.
- Бунин, 1915 — Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 3. СПб; 1915.
- Бунин, 1950 — Бунин И.А. Воспоминания. Париж, 1950.
- Дьяконов, 2000 — Дьяконов И.М. «О все выдавшем» со слов Синлеке-уннинни, заклинателя. История Гильгамеша // Когда Ану сотворил Небо. Литература древней Месопотамии. М; 2000.
- Емельянов, 2005 — Емельянов В.В. Путешествие Гильгамеша к Утнапиштиму (история мифологического мотива) // Эдубба вечна и постоянна. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова. СПб; 2005.
- Емельянов, 2011 — Емельянов В.В. Материалы и маргиналии к стихотворению В.Я.Брюсова «Ассаргадон» // Седьмая международная летняя школа по русской литературе. СПб; 2011. С. 40–61.
- Лернер, 1919 — Лернер Н.О. Рецензия на: Гумилев Н. Гильгамеш // Жизнь искусства 139–140 (1919).
- Муромцева-Бунина, 1989 — Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М; 1989.
- Таирова, 2010 — Таирова И.А. Восточные традиции в творческом восприятии И.А.Бунина. Автореферат... к.и.н. М; ИМЛИ РАН, 2010.
- Haupt, 1883 — Haupt, P. The Cuneiform Account of the Deluge // The Old Testament Student, vol. 3, no. 3. Chicago, 1883. P. 77–85.
- Parpola, 1997 — Parpola, S. The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh. Helsinki, 1997.
- Smith, 1873 — Smith, G. The Chaldean Account of the Deluge // Transactions of the Society of Biblical Archaeology 2 (1873). P. 213–234.